

РОМАНОВА

Злата

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Неродная сестра

МАЖЖОРА

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Мажоры

Злата Романова

Неродная сестра мажора

«Автор»

2022

Злата Романова

Неродная сестра мажора / Злата Романова — «Автор»,
2022 — (Мажоры)

Мы с Кириллом – приемные дети, но, хотя мы вместе с детства, он так и не стал мне ни братом, ни другом. Он – мой самый страшный кошмар. Тот, кто все время унижает, командует и ставит условия. Тот факт, что я влюблена в его лучшего друга невероятно бесит Кира, но я и представить не могла, на что он готов, лишь бы не дать нам быть вместе. Дело только в том, что он считает меня недостойной Феда и их компании крутых ребят, или, возможно, Кир ревнует, потому что хочет меня... себе?Содержит нецензурную брань.

© Злата Романова, 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Злата Романова

Неродная сестра мажора

Пролог

– Что ты делаешь? Так нельзя... Нельзя, Кир!

Голос срывается на высокой ноте, а дыхание в груди спирает, когда губы Кирилла накрывают мои. Отчаянно. С голодом, который пугает до дрожи.

Мягкие губы... Язык, врывающийся в рот, открытый в безмолвном крике. Всего секунда, один удар сердца на осознание. Достаточно, чтобы распробовать. Ощутить во рту вкус ментоловой жвачки, что он так любит. Так знакомо. Потому что свой... Свой с самого детства.

По телу проходит дрожь, а пальцы впиваются в сильную грудь, пытаюсь оттолкнуть. Оторвать от себя – с кровью, с мясом. Не только от тела, но и от души, вырезать с корнем из своих мыслей навсегда. Но... не делают этого. Напротив, притягивают ближе. Потому что, наконец, спустя долгое время, самое постыдное и скрытое желание исполнилось. Из горла вырывается пораженный стон, а непослушные руки обвиваются вокруг мощной шеи, прижимая еще ближе.

Жар под кожей, адский огонь, пожирающий все мое нутро, диктует свои условия.

Значит, не показалось. Я не сошла с ума, Кир хочет меня. Он злился, потому что ревновал, мучил, чтобы не поддаться искушению. Потому что это неправильно... Недопустимо между кем-то, вроде нас. Мы ведь практически брат с сестрой! Пусть не родные, но что это меняет? В глазах папы – ничего. В глазах других людей – тоже. Мы с детства были одной семьей, а в семье такое непозволительно.

– Насколько это ужасно, Ася? – хрипит он у моего рта, отодвигаясь на жалкие миллиметры, так, что при каждом слове наши губы продолжают соприкасаться. – Ты так дрожишь от отвращения?

Я не могу отвести взгляда от его глаз. В них плещется тьма, пугающая до ужаса своей притягательностью. Все еще не верю, что допустила, что ответила ему, но и остановиться уже не могу.

– Нет, – шепчет непослушный язык и... я тону.

Потому что Кир не из тех, кто мучается муками совести. Что он хочет – берет. А я только что дала понять, что не буду сопротивляться.

Глава 1

В день, который изменил все или, как говорится в кино, стал началом конца, я пошла в клуб с однокурсницами Таней и Леной. Все шло как всегда: танцы, коктейли, очередной отшитый придурок, текила, снова танцы и БУМ! Я упала. К счастью, не на пол, а прямо в руки парня, оказавшегося рядом со мной. Высокого, темноволосого красавца, с модной стрижкой, накачанным телом и потрясающе голубыми глазами. Тогда, во мне еще было что-то от детской наивности и романтичности. После того дня я часто повторяла, что это судьба. Каковы были шансы встретить именно ЕГО в огромном мегаполисе, именно в этом клубе и именно в этот день и час?

А много. Иногда ведь бывают совпадения. Случайность... или злой рок. Так я думаю сейчас. Тогда это казалось знаком судьбы. Мне всегда нравился один-единственный парень и вот ОН, тот в которого я уже почти влюбилась, стоял здесь и поддерживал мою пьяную неустойчивую тушку. Разве это не мечта каждой наивной и жаждущей любви, глупышки? Я прильнула к нему, обхватывая руками за сильную шею, с жадностью всматриваясь в знакомые черты, и счастливо улыбнулась, прошептав заветное имя:

– Федя...

А потом благополучно отключилась в его сильных руках.

Ну, просто идеальное начало романтической комедии! Или трагедии, как случилось в моем случае.

Пробуждение оказалось безрадостным. Хотя я никогда не мучилась похмельем после пьянки, коих в моей жизни было немного, потому что, несмотря на любовь ко всякого рода клубам и барам, к употреблению алкоголя я отношусь скорее негативно, самочувствие оставляет желать лучшего. Жутко хочется пить, а во рту образовался ужасный привкус желчи. Встав со своей кровати, я обнаруживаю, что спала в платье, которое надела в клуб вчера. Подумываю переодеться, прежде чем идти на кухню, но потом плюю на это, так как пить хочется невыносимо, а папы, скорее всего, дома нет, как и всегда в последнее время.

Только выпив пару стаканов воды из холодильника, наплевав при этом на нечищенные зубы, я начинаю полностью пробуждаться. Вспоминаю о том, как окончила вечер и тут меня охватывают сомнения. Вряд ли Федя действительно вчера был в клубе. Скорее всего, я сама пришла домой, ведь Лена с Танькой не знают, где я живу, а Федя меня проигнорировал бы, если даже и был там. Все это наверняка мне приснилось, когда я уже добралась до дома. Третьего не дано. Хотя и жаль.

Идя обратно в свою комнату, в коридоре сталкиваюсь с Кириллом. Он выходит из ванной, вытирая полотенцем мокрые волосы и зевая на ходу. Мой брат большой любитель поспать и, чтобы проснуться окончательно, ему требуется все утро.

– Когда в следующий раз будешь пить, делай это подальше от меня. Из-за тебя пришлось уйти в самый разгар веселья, алкогольчика, – грубо говорит он.

Я вздрагиваю от удивления.

– Так это ты привез меня вчера домой? С чего бы такая забота?

Кир гадко ухмыляется.

– Не обольщайся. Я просто не хотел ставить друга в неудобное положение, а то Федя, знаешь ли, джентльмен. Когда ты свалилась ему на руки и отключилась, он посчитал своим долгом доставить тебя домой.

– Так Федя и вправду был вчера в клубе? – необдуманно показываю свою радость. – Я думала, мне это приснилось.

Ухмылка Кира становится шире. Ой-ёй.

– *Федя?* – вкрадчиво спрашивает он. – Все еще вздыхаешь по нему, Ася? Ты себя в зеркале-то видела? С твоей внешностью никакая косметика не поможет, у тебя нет шансов.

Я чувствую, как во мне поднимается волна обиды, которую не хочу ему показывать, но сдерживаться нет сил, потому что он давит на больную мозоль, причем делает это намеренно, пытаюсь причинить мне боль.

– Иди к черту! Я красивая! – заявляю с уверенностью, которой не чувствую, и не дожидаясь очередного оскорбления, ретируюсь в спальню, быстро захлопывая за собой дверь.

Замечания Кирилла всегда больно жалят своей правдивостью и отрицать смысла нет. В моей внешности действительно нет ничего примечательного, я просто симпатичная. Одна из многих. Русые волосы и серо-голубые глаза, не отличающиеся яркостью, обычная худая фигура без выдающихся форм. В отличие от высокого красавца-брата, с его светлой шевелюрой и медово-карими глазами, я самая что ни на есть обычная и, хотя обычно не испытываю комплексов насчет своей внешности, если только не вижу шикарных девушек Феде поблизости, издевка Кира сегодня задевает за живое.

В детстве мы с приемным братом неплохо ладили, но с возрастом он изменился и начал находить удовольствие в том, чтобы унижать меня. Я научилась обороняться, не показывать, что задета, но иногда он нападает, когда я не готова достойно ответить, и тогда уж его ничто не может остановить. С садистским удовольствием Кир доводит меня до слез и только потом оставляет в покое. Я ненавижу его в такие моменты. Злюсь, хочу уничтожить, однако, в конце концов, прощаю, потому что, каким бы плохим не было его отношение ко мне, он все же остается членом моей семьи.

Видимо, Кирилл решает, что в это утро ему не хватает острых ощущений, потому что дверь моей спальни открывается через десять секунд и он заходит следом за мной.

– Убирайся, Кир. Я не в настроении с тобой общаться, – говорю ему как можно более безразличным тоном.

– Ну, почему же, – лениво протягивает он и, игнорируя мою просьбу, с удобством размещается на моей кровати, глядя на меня насмешливым взглядом с откровенной издевкой. – Давай поговорим. Ты расскажешь мне о своих чувствах к Феду, а я помогу тебе советом, как заботливый старший брат.

– У меня нет к нему никаких чувств, а если бы и были, то ты последний человек, с которым я стала бы откровенничать! Убирайся отсюда, я хочу переодеться.

Подойдя, толкаю его в плечо, но он и с места не двигается.

– Давно я не видел тебя такой эмоциональной, – издевается гаденыш. – В последний раз это было... год назад, кажется?

Я вздрагиваю от напоминания и быстро отворачиваюсь. Подойдя к комоду, достаю платье, которое ношу дома, и направляюсь к двери, игнорируя его и желая лишь сбежать от неприятного разговора.

– Так и быть, переоденусь в ванной, но будь добр исчезнуть, когда я вернусь, – говорю нейтральным тоном, но Кирилл не обмануть.

Вскочив с кровати, он успевает захлопнуть дверь перед моим носом прежде, чем я успеваю открыть ее достаточно, чтобы проскочить в коридор. Не стоило и надеяться, что Кир позволит мне уйти, когда я так уязвима.

– Ну, чего тебе? – спрашиваю со вздохом, удивляясь тому, насколько усталым и обреченным стал мой голос.

– Иди к зеркалу, – стальным тоном приказывает он.

Зная, что он потащит меня, если не сдвинусь с места, я подхожу к туалетному столику с зеркалом. Видок у меня тот еще: волосы всколочены, под глазами остатки туши для ресниц, губы потрескались. В отражении, позади меня, появляется Кирилл. Его мокрые волосы растрепаны, но он не кажется неряшливым, напротив, даже привлекательнее, чем с лучшей своей

укладкой. Медовые глаза исследуют мое лицо с непонятным мне любопытством и я чувствую холодок в груди.

– Ну, и что ты видишь? – задает глупый вопрос.

– Нас, – закатив глаза, отвечаю я.

– А я вижу маленькую глупенькую девочку, которая влюбилась во взрослого парня и думает, что сможет заинтересовать его, – серьезно говорит Кир. – Я не хочу снова с тобой сюсюкаться, мелочь. Пойми уже, что мы с Федом не из твоей лиги. Не пытайся вписаться в нашу компанию. То, что мы с тобой семья, тебе не поможет.

– Я не влюбилась в Федю, – отрицаю, пытаюсь сдержать слезы. – И я не собираюсь называть его Федом, потому что это глупо. Какими бы крутыми вы себе не казались, вы просто два избалованных идиота, возомнившие себя какими-то мажорами из фильмов. Это жалко.

– Жалкая здесь – ты, – спокойно констатирует он. – Найди себе кого-то своего уровня, Ася. Я тебя предупредил. Не лезь к моим друзьям, не то последствия тебе не понравятся. Ты ведь помнишь, что было в прошлом году?

– Да пошел ты! – зло отталкиваю его, поворачиваясь к нему лицом. – Ты обещал забыть об этом!

– Я бы забыл, если бы ты снова не вляпывалась в очередное болото, мелочь. Я предупредил. Не смей приближаться к Федю, поняла?

– Не поняла! – отчаянно не желаю подчиняться, хотя и понимаю, что он не допустит ослушания.

Кирилл ухмыляется, не реагируя на провокацию, и потрепав меня по подбородку, отчего я непроизвольно вздрагиваю, разворачивается и уходит.

Как же я его ненавижу!

Каждый раз, когда Кирилл обижает меня, я напоминаю себе, что заслужила. Это мое искупление за то зло, что я причинила ему. И, как бы мне не хотелось отомстить, я этого не делаю. Глотаю обиду и живу дальше. Но самое сложное то, что поначалу все было не так плохо и я привыкла к тому, что у меня есть почти... друг? Больно осознавать, что те времена и те отношения никогда уже не вернуть, но я давно даже не надеюсь.

Когда мои родители усыновили его и его сестру Лиду, мне было десять, а Киру тринадцать. Лида была совсем маленькой, всего пять лет, как и мне, когда мама с папой стали моими родителями. Но, если меня взяли из детдома, не помнящую своих настоящих родителей и не знавшую ничего хорошего, то Лида с Киром оказались вырваны из прекрасной любящей семьи злодейкой-судьбой.

Их родители дружили с моими еще со студенческих времен, а наши отцы вместе открыли автомагазин, который в итоге разросся в целую сеть. Смерть тети Вари и дяди Миши стала неожиданностью для всех. Они были в отпуске, оставив детей на маму и папу, когда тетя Варя заплыла слишком далеко и стала тонуть, а дядя Миша, поплывший ей на помощь, так и не смог вытащить их из-под разбушевавшихся волн. Тела нашли только через три дня и хоронили их в закрытых гробах. У меня все еще мороз пробегает по коже, когда я вспоминаю истерику Кира на похоронах, требующего дать ему посмотреть на них в последний раз.

Мама и папа стали опекунами Лиды и Кира, и, они начали жить с нами. С Лидой не было никаких проблем, но Кир был в ужасном состоянии весь первый год и вел себя, как настоящий дикий волчонок. Не сказать, что он уже тогда плохо относился ко мне, но и друзьями мы не стали. Разница в три года в детстве казалась существенной, чтобы мы могли подружиться. Все изменилось, когда он более-менее успокоился и смирился со смертью родителей. Кир стал более общительным, легче шел на контакт. Помогал мне и Лиде, которая пошла в первый класс, с домашкой, гулял с нами на улице, когда мама не хотела отпускать нас одних. В общем, был хорошим старшим братом. Пока один несчастный случай не изменил все снова.

Я практически не помню первые пять лет своей жизни. Только обрывочные кусочки воспоминаний о девочке из детского дома, с которой я подралась за куклу, причем ясно я помню только уродливую однурукую игрушку и боль от царапины соперницы на шее. Еще помню строгий голос воспитательницы и то, что она была толстой, хотя понятия не имею, ни как она выглядела, ни даже какого цвета были ее волосы. Зато мое первое четкое воспоминание – это тот день, когда мама и папа забрали меня. Они говорили, что встречались со мной и до того дня, но я этого не запомнила. Только нашу поездку на машине домой и как мне тогда было страшно.

Помню, как мы поднимались по лестнице на четвертый этаж, потому что лифт не работал, и свое удивление, когда я увидела, где мне предстоит жить. Квартира родителей тогда показалась мне настоящим дворцом. Именно тот день я предпочитаю считать началом своей жизни, потому что мне никогда не забыть, как приятно пахла мама, когда обняла меня впервые, и какими теплыми были ее объятия.

Я люблю обоих своих родителей, но связь с мамой была особенной. Папа все время пропадавал на работе, а мама была той, что заботилась о нас. Бог не мог придумать наказания хуже, чем отнять ее у меня. И сделать это в тот самый день, когда я наговорила ей то, за что мне до сих пор хочется отрезать себе язык.

В тот день, мы должны были вместе поехать в супермаркет, чтобы закупиться продуктами на неделю. Мама ненавидела ходить по магазинам одна, поэтому обычно брала с собой меня или Кира. В тот раз должна была поехать я, так как у Кира была тренировка, но я не хотела. Должен был вот-вот начаться молодежный сериал, премьеру которого я ждала, и мне не хотелось его пропускать. Мама настаивала на том, что купит мне подписку на канал, но я хотела посмотреть его немедленно, именно в тот день, чтобы обсудить потом с подругами в школе. В конце концов, я так разозлилась на нее, что начала кричать, что она не имеет права мне указывать, потому что она мне не мать, а просто исполняет эту роль, потому что не может родить своих детей. Выражение ее глаз после этих слов навсегда вьелось мне в память. Кир тогда одернул меня, сказав, что поедет с ней, но мама не разрешила пропустить тренировку и решила взять с собой Лиду.

Они не вернулись из той поездки...

Я так и не смогла извиниться перед мамой и сказать, что люблю ее больше всего на свете и что я на самом деле не думаю о ней так. А Лида... Бедная Лида заняла мое место и умерла вместе с ней из-за моего эгоистичного желания посмотреть какой-то тупой сериал.

И кажется, не только я это осознаю. Спустя несколько месяцев очередной депрессии, Кирилл начал срываться на мне, а я превратилась в добровольную жертву, потому что понимала, что не смогу расплатиться с ним до самой смерти за то, что отняла у него последнего родного человека. Так, в четырнадцатилетнем возрасте, начался мой персональный ад...

Глава 2

В начале сентября, несмотря на холод по утрам, днем еще тепло, поэтому, собираясь в универ, я надеваю рваные джинсы с кроссовками и топ на широких бретельках. Поверх топа накидываю толстовку. Два дня назад в моей комнате как раз появилась новая – оранжевая, с черной надписью на груди. Вчера Кир щеголял в точно такой же, но белой. Это единственная наша традиция, которая осталась со смерти мамы и Лиды. Мы больше не готовим блинчики вместе по субботам, не играем в стрелялки, не гуляем в парке, чтобы покататься на скейтах, нет. Все это, ну, кроме блинчиков, Кир начал делать с друзьями, оставив меня за бортом, а сейчас, и вовсе сменил эти занятия на паркур и гонки. Электронные игры его больше не интересуют, только реальные и очень опасные. Тем не менее, одна вещь, пожалуй, самая личная, между нами осталась неизменной – его одежда. А точнее, толстовки.

Все началось, когда Киру было четырнадцать, а мне одиннадцать. Мама купила для него классную толстовку и я закатила истерику, требуя такую же. Как бы мама не пыталась убедить меня в том, что это мужская вещь и мне она не подойдет, я не хотела униматься, и, она уступила. Тогда, начались возражения от Кира. Он не хотел, чтобы мы ходили в одинаковом, он же пацан, а я девчонка. В итоге, сошлись на том, что мне купят толстовку другого цвета.

С тех пор, когда бы он не покупал себе обнову, Кирилл всегда брал вторую, но другого цвета, и для меня. После смерти мамы, эти толстовки начали просто появляться в моей спальне, как по волшебству. Только однажды я осмелилась спросить его об этом, но он так агрессивно отреагировал, что я навсегда оставила эту тему. Толстовки просто появляются, словно из воздуха, и я просто их ношу, хотя мой стиль одежды уже совсем не мальчишеский. Хорошо, что они отлично сочетаются с платьями и юбками. Кир никогда не комментирует, видя на мне свое подношение, но я продолжаю их надевать хотя бы пару раз в неделю, когда позволяет погода, потому что все еще не готова отказаться от этой связи между нами.

Полностью собравшись этим утром, я выхожу из спальни и иду на кухню, где застаю завтракающего папу.

– Доброе утро, папуль! – наклоняюсь к нему, чтобы клюнуть в щеку.

– И тебе, Ася. Садись, яичница еще горячая.

Наливаю себе кофе и сажусь за стол, набрасываясь на ужасно вкусную яичницу с помидорами и сыром. Папа научился готовить после смерти мамы, а потом и я выросла достаточно, чтобы встать за плиту, так что завтраки у нас в семье всегда готовит он, а ужины – я. Обедаем мы на работе и в универе, кто куда ходит. Несмотря на то, что, со временем, состояние папы все больше растет, мы не переехали из своей старой квартиры, которая хранит воспоминания о маме и нашем семейном счастье, хотя и могли позволить себе особняк не хуже, чем у родителей того же Феди. И с обязанностями по дому справляемся своими силами, так как папа не желает, чтобы в нашем доме шастали чужие люди. Он даже Киру категорически запретил водить своих друзей и тем более девушек, сказав, что дает ему достаточно денег, чтобы развлекаться в других местах.

– Доброе утро, – ворчит Кирилл, появляясь на пороге.

Он уже одет в темные джинсы с футболкой и причесан, если так можно назвать его укладку «а-ля только что из постели», но все равно выглядит, как ходячий зомби. Налив себе эспрессо, брат садится и смотрит в одну точку, сонно потягивая горький напиток.

– Когда ты уже начнешь ложиться вовремя? – недовольно косится на него папа.

– Пяти часов сна мне вполне достаточно, – говорит Кир, переводя свои мутные глаза на меня.

Окидывает взглядом мою толстовку и снова утыкается в свою чашку с ничего не выражающим лицом.

– Папочка, что ты хочешь на ужин? – перевожу на себя внимание отца я.

Не хочется очередной ссоры. В последнее время папа все больше давит на Кира, прося быть ответственным и пытаюсь втянуть в дела их бизнеса, ведь тот уже старшекурсник.

– Я сегодня буду поздно, – морщится папа. – Не нужно на меня готовить.

– О, тогда пицца на ужин! – радуюсь я.

– Не хочу пиццу, – кривит рот Кирилл.

– Тогда готовь себе сам, – усмехаюсь я, показывая ему язык.

Он не может даже яйца себе пожарить, не говоря уже о чем-то посерьезнее, но почему-то предпочитает домашнюю еду ресторанной, которую, напротив, большинство любит, в том числе и я.

– А ты сама себя отвози в универ, – парирует гаденыш.

– Кирилл, чтобы я этого больше не слышал! – вдруг, жестко вмешивается папа. – Ты не будешь шантажировать свою сестру!

Я с удивлением перевожу на него взгляд, удивляясь внезапной агрессии, в то время, как Кир смотрит на папу со скептицизмом.

– Дядя Петь, ты перебарщиваешь, – говорит он.

Они с папой обмениваются непонятными для меня, взглядами, после чего Кирилл встает, кладя свою чашку в мойку.

– Мелочь, жду тебя пять минут. Если не спустишься – уеду, – бросает он, выходя.

Я продолжаю смотреть на папу, видя, что он расстроен и не понимая причины.

– Пап, что происходит? Вы с Киром опять поругались?

– Не обращай внимания, я просто на нервах. Сорвался на нем, почему зря. Больше не буду.

Я тут же успокаиваюсь. Папа и мне может нагрубить сгоряча, но я не обижаюсь. У него просто работа нервная, он же ради нас старается.

– Хорошо, я тогда побегу. Пока, папуль!

Снова чмокаю его в щеку и бегу к себе за сумкой, чтобы быстрее спуститься. Кир ведь правда не станет ждать, если опоздаю. Я могла бы ездить на такси, но папа против. Восемнадцать мне исполнилось недавно и я два раза уже провалила экзамен, так и не получив права. Утром меня чаще подвозит папа, но, когда он спешит, это делает, нехотя, Кир. Правда, вредный братец высаживает меня, не доезжая до универа, чтобы нас, не дай Бог, не увидели вместе. Будто я могу испортить его репутацию крутого парня. Придурок!

– Я почти уехал, – говорит Кирилл, когда я плюхаюсь на переднее сиденье его Порше.

Он обожает быструю езду и спортивные автомобили, что всегда пугало меня, ведь своей жизнью Кир рискует практически каждый день, занимаясь вещами, которые могут убить или покалечить его. Из-за одного только паркура он ломал и ногу, и обе руки, не говоря уже о ребрах, ключице и носе. Папа не может его приструнить, потому что Кирилл имеет на все свое мнение и никого не слушает. После совершеннолетия у него есть полный доступ к наследству от умерших родителей и, хотя папа все еще занимается всеми финансами семьи, он не может отсечь Кира от денег лишь бы заставить его слушаться.

– Я вовремя, – бурчу я, доставая наушники из рюкзака и вставляя их в уши.

Кир тут же включает музыку в машине на всю громкость, назло мне, и, я ясно это вижу по его самодовольной морде. Поняв, что такими темпами могу и оглохнуть, я кладу наушники обратно и делаю звук в машине немного тише. К счастью, он никак не реагирует на такую вольность, уступив мне. До универа мы доезжаем вовремя, и, когда он привычно высаживает меня, не доезжая до конца, я быстрым шагом направляюсь к зданию, потому что надеюсь еще выпить кофе перед парами. Дома как-то не успела, а на первом этаже недавно открылась чудесная кофейня. К моему облегчению, народ здесь уже не толпится, как обычно бывает по утрам.

– Катюш, сделаешь мне быстренько латте? – прошу свою знакомую, которая по случайной случайности устроилась на работу именно сюда и частенько снабжает меня бесплатными печеньками к кофе.

– Здесь вообще-то очередь, Белова, – раздается рядом недовольный голос.

Я и не заметила, когда мчала на всех парах к стойке, что здесь кто-то еще есть. Теперь, обернувшись, вижу, что за витриной, оказывается, стояла Ваня Стужева, разглядывая маффины с недовольно поджатыми губами.

– Извини, не увидела тебя, – миролюбиво улыбаюсь ей.

Ваня, которую все называют за спиной Стужа, моя одноклассница и главная стерва потока. Так как я корректный и мирный человек, у нас с ней не возникает конфликтов, но Стужа заводится с полуслова и может превратить тебя в мусор одними своими едкими словами, если ей покажется, что ее оскорбили. Если честно, я немного побаиваюсь ее. Характер Вани совершенно не вяжется с внешностью милой маленькой блондинки. Люди не раз замечали, что мы с Ваней внешне чем-то даже похожи, как настоящие сестры, и я склонна с этим согласиться, но стоит ей открыть рот или взглянуть своими ледяными синими глазами, как всякое сходство кажется невозможным.

У нас с ней примерно одинаковое телосложение и рост, черты лица, кроме выреза и цвета глаз. Правда, если мои волосы натурально-русые, то у Вани это стильный блонд. Мы находимся в совершенно разных лигах: девушка по соседству и гламурная дива, поэтому сравнения мне кажутся нелепыми, как и ей. Однажды, услышав один из комментариев о нашем сходстве, Стужа оцепенела и выдала оскорбительную тираду о том, что я даже ногтя ее недостойна, после чего ее безразличное отношение ко мне стало носить оттенок неприязни. Мне хватает негатива и от Кира, поэтому я предпочитаю не вступать в конфронтацию и быть с ней предельно милой. Стужа может быть опасным врагом, если ее кто-то бесит.

Сегодня, к счастью, она не кипит желанием говорить. Получив от Кати свой заказ, Ваня кидает в меня пренебрежительный взгляд и, резко развернувшись, уходит, топя высокими каблуками шикарных туфель, на которые я невольно заглядываюсь, как за гипнотизированная.

– Она хоть и стерва, но чувство стиля у нее есть, – вздыхает Катя, тоже смотря ей вслед. – Я бы многое отдала хоть за один наряд из ее гардероба.

Я понимающе усмехаюсь и достаю карту, чтобы расплатиться за кофе. Болтать нет времени, поэтому поблагодарив Катю, я бегу на первую пару, обгоняя неторопливо идущую Стужу. Конечно, ей-то за опоздание и слова не скажут, ведь ее папа спонсирует университет и входит в попечительский совет.

Иногда я завидую Ване, ведь ей все дается легко и нет в ее жизни никаких проблем, которые нельзя решить деньгами или резким словом. Мне бы хоть половину ее уверенности в себе и твердости характера, тогда и с парнями не было бы проблем, и с тяжелым характером Кира справляться было бы легче. Эх, мечты, мечты...

Глава 3

– Ваня сегодня в хорошем настроении, – глупо лыбится Семен, сидящий рядом со мной на паре.

– Когда ты уже перестанешь по ней сохнуть и обратишь внимание на других девушек? – вздыхаю я, шлепая его по предплечью.

Наш препод вышел на пять минут, так что все в аудитории болтают, создавая галдеж.

– На кого, например? – кривится Акинчев. – Такой, как она, больше нет.

– Согласна, – язвлю я. – Такую стерву еще поискать надо. Зато есть и красивые, и веселые девчонки, которые обращают на тебя внимание. Взять хотя бы Аньку или Настю Степанову.

Настя в нашей группе три, поэтому приходится уточнять.

– Это все не то. Я влюблен, понимаешь? Думаешь, легко отмахнуться от своих чувств? Я же ни о ком, кроме нее, думать не могу!

Это я понять могу. Вчера весь вечер мечтала о Феде. Он мне даже приснился, такой улыбчивый и веселый. Хотя, в жизни Федя скорее угрюмый и имеет довольно жесткий характер. Но я все равно от него без ума.

– Когда понимаешь, что взаимности не добиться, лучше попытаться отвлечься, – советую я Семену, надеясь, что он прислушается.

Он ведь и сам понимает, что со Стужей ему ничего не светит, но сохнет по ней, не видя никого вокруг себя. Мне действительно его жалко.

– Она хотя бы ни с кем не встречается, – продолжает гнуть свое Акинчев. – Ну, после твоего брата.

Блин, да он задолбал уже ныть о том, что в прошлом году Стужа встречалась с Киrom! Меня тогда здесь не было, ведь я перевелась на втором курсе из другого универа, но после того, как мы с Семеном подружились и он узнал, что Кирилл мой брат, не переставал пытаться заставить меня выведать его секреты оболъщения.

– Если бы я знал, чем он ее зацепил, то у меня тоже появился бы шанс, – садясь на любимого конька, вздыхает этот несчастный Ромео. – Почему ты не хочешь помочь мне?

К счастью, от ответа меня спасает вернувшийся препод, а после окончания пары, я спешу свалить, солгав, что спешу. Акинчев уже достал. Будто я действительно могу чем-то помочь ему! Мы с Киrom и не общаемся практически, а Семен ожидает, что брат будет делиться со мной подробностями своей личной жизни.

– Привет, Ась, – раздается за спиной глубокий мужской голос, который я ожидаю услышать в последнюю очередь. – Спешешь?

Останавливаюсь посреди коридора и, обернувшись, вижу, что Федя стоит, опираясь на стенку перед дверью нашей аудитории. Черт, какой же он красивый! Едва сдерживаю глупую улыбку на все лицо, нерешительно подходя к нему. Хорошо, что я сняла толстовку и вырез топа демонстрирует достаточно моих прелестей, чтобы не казаться пацанкой.

– Привет, – робко выдыхаю я, вставая перед ним.

Меня тут же окутывает запах его парфюма, а взгляд зависает на красивом лице. Федя без преувеличения самый привлекательный парень из всех, кого я видела. Ярко-голубые глаза под тяжелыми веками, четко очерченные губы и скулы, темные волосы, не говоря уже о высоком, мускулистом теле.

– А без очков тебе лучше, – усмехается он, врываясь в мое личное пространство и аккуратно стягивая круглые очки с моего лица.

Я моргаю, тут же теряя четкость зрения, но и не думаю возражать. В клубе я была в линзах и то, что он это заметил, дает мне повод надеяться, что я привлекла его внимание.

– Спасибо, – шепчу, как бессловесная овца, мысленно чертыхаясь.

Нужно быть смелее, это же Федя! Его не привлекают мямли.

– Что скажешь насчет того, чтобы пойти сегодня вечером в клуб? – спрашивает он, передавая мне очки.

От мимолетного соприкосновения наших пальцев по коже пробегают мурашки. Парень гладит мою ладонь большим пальцем, прежде чем убрать руку, а я даже дышать перестаю, переживая это мгновение как никогда остро.

– С каких пор тебя тянет на простушек, Дубов? – разрушает момент насмешливый голос Стужи.

«Черт, да ты издеваешься! Иди отсюда, Ваня!» – мысленно умоляю я.

Весь день она меня словно преследует. Надеваю очки, чтобы вернуть себе способность видеть не размытые тени, вместо людей, и успеваю заметить, как на лице Феде мелькает досада.

– Иди, куда шла, Стужа, – грубо говорит он.

– Как ты меня назвал? – шипит Ваня, приближаясь к нам с выражением лица, которое не сулит ничего хорошего.

Никто не осмеливается называть ее так в лицо.

– Расслабься, детка, я не вхожу в твою свиту, чтобы звать тебя твоим именем лишь за спиной, – насмешливо усмехается парень. – Ты должна радоваться. Стужа звучит намного лучше, чем Ваня.

«Ой-ей, что сейчас будет!»

Я мысленно готовлюсь к ссоре на высоких тонах. Ведь все, кто знает Федю и Ваню, также знает, что любое их взаимодействие заканчивается стычкой.

Однако, к моему изумлению и разочарованию собравшихся зевая, Стужа всего лишь одаривает Федю ледяной улыбкой превосходства, и пробормотав «С придурками не спорю», резко разворачивается, походкой от бедра направляясь дальше по коридору с видом королевы. Федя сразу же поворачивается обратно ко мне, забыв о ней, и снова расслабляется, слегка ухмыляясь уголком рта – его фирменная ухмылочка, от которой девчонки сходят с ума, потому что она придает ему дико сексуальный и одновременно хищный вид.

– Ну, так что скажешь? – приподняв бровь, спрашивает он. – Повеселимся сегодня?

– Да, – соглашаюсь я, вне себя от счастья.

Федя пригласил меня на свидание! Это ведь свидание?

– Это свидание, – словно читая мои мысли, уточняет он, и, мимолетно пройдясь кончиками пальцев по моей щеке, уходит.

Я же так и застываю на месте, с горящей от его прикосновения кожей и безграничной радостью, наполняющей сердце.

Вечером я во всю готовлюсь к свиданию. Обычно, в будние дни предпочитаю оставаться дома, чтобы учить лекции, но отказаться от приглашения Феде было бы глупостью.

Прошерстив весь свой гардероб, я останавливаю выбор на наглухо закрытом бирюзово-черном полосатом платье с длинными рукавами. Из-за облегающего кроя и длины до середины бедер, оно смотрится очень сексуально, а вкупе с туфлями на высоких каблуках и ярким макияжем я выгляжу просто секс-бомбой. Пришлось потратить час, чтобы уложить феном густые волосы, доходящие до середины спины, но оно того стоило. Девушка в зеркале выглядит ничуть не хуже тех гламурных кис, с которыми обычно встречается Федя.

– Кир, я ухожу, – предупреждаю я, заглядывая к нему в комнату.

Брат разлегся на своей кровати и напряженно стучит по клавишам. Неужели, занят учебкой? Он поднимает взгляд от ноута на своих коленях и, осмотрев меня с ног до головы, сжимает челюсть.

– Куда ты в таком виде?

В его голосе слышится металл и это не сулит мне ничего хорошего. Кириллу опять припичило поиграть в строгого родителя?

– В клуб, – отвечаю спокойно. – И не волнуйся, тебе больше не придется доставлять меня домой. Я не планирую сегодня пить.

– Возвращайся к одиннадцати, – мрачно приказывает он.

– Это уж как захочу, – не могу удержаться от усмешки, закрывая его дверь и направляясь к выходу.

Федя уже написал, что ждет меня внизу. И где только номер достал? Наверняка, у Кира взял, хотя странно, что тот никак это не прокомментировал.

Не успеваю я открыть входную дверь, как она закрывается прямо перед моим носом, пугая до полусмерти, потому что паря в своих мечтах, я не услышала приближения Кирилла. Он резко разворачивает меня, грубо схватив за предплечье, и прижимает к стене, ловя в ловушку своих мощных рук, расставленных по обе стороны от моих плеч.

– Ты что творишь, псих?! – возмущаюсь я, слегка ударившись головой о твердую поверхность стены.

– Я сказал тебе быть дома к одиннадцати, – зло шипит Кир.

Наши лица находятся в считанных сантиметрах друг от друга, его прерывистое дыхание овеивает мои губы, а в его взгляде я ясно вижу гнев. Кирилл всегда был несдержанным на эмоции. Он любит подавлять меня, врываясь в личное пространство, что я просто ненавижу.

Вот и сейчас, уставившись в глаза этого бешеного зверя, чувствую знакомые нотки страха и еще одного, странного чувства, которое не собираюсь идентифицировать. Знаю, что он реально может запереть меня, если не соглашусь, поэтому киваю, как болванчик, заранее соглашаясь со всем.

– Хорошо, Кир. Я вернусь к одиннадцати.

Брат смотрит на меня испытующим взглядом, словно хочет проверить, не лгу ли я, и медленно отстраняется, убирая руки и отходя на шаг. Я быстро выскальзываю за дверь, не веря своему счастью, и, только оказавшись в лифте, спокойно выдыхаю. Спаслась!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.